

Глава 16

Коммерция по указу

Можно считать, что до Петра настоящей промышленности в России почти не было. По городам были разбросаны лишь небольшие мастерские, где изготовлялись инструменты, а также домашняя утварь и украшения для нужд царя, бояр и богатых купцов. В деревнях господствовало натуральное хозяйство.

Посетив Европу, Петр вернулся домой, исполненный решимости изменить это положение, и весь остаток жизни посвятил тому, чтобы Россия стала богаче, а ее экономика более производительной и эффективной. Когда он приступил к осуществлению этого замысла, страна была втянута в большую войну, и естественно, что в первую очередь Петр старался завести предприятия, которые бы выпускали продукцию, пригодную для военных нужд. Он строил литейные дворы, пороховые мельницы, оружейные заводы, кожевенные мануфактуры (кожа требовалась на седла и упряжь) и ткацкие фабрики (сукно и парусина были необходимы для пошива солдатских мундиров и парусов для флота). К 1705 году заведенные Петром казенные текстильные фабрики в Москве и Воронеже работали уже столь успешно, что царь справил себе праздничный кафтан из отечественного сукна, о чем с немалым удовольствием сообщал в письме к Меншикову.

После Полтавской победы обстоятельства изменились. Сугубо военные нужды отступили на второй план, и Петр смог обратить внимание на развитие таких видов промышленности, какие могли бы поднять благосостояние России до уровня европейских стран и одновременно уменьшить зависимость страны от ввоза товаров из-за границы. Встревоженный тем, что большие средства уходили за рубеж в оплату за предметы роскоши – шелк, бархат, позументы, фарфор и хрусталь, Петр приложил усилия к тому, чтобы наладить производство этих товаров в России. Чтобы защитить находившуюся в зачаточном состоянии национальную промышленность, он установил высокие пошлины на ввоз, и в результате шелка и модное платье обходились русским покупателям вдвое дороже их истинной цены. В основе своей его экономическая политика была схожа с политикой других европейских государств того времени, известной под названием «меркантилизм». Она сводилась к тому, чтобы увеличить вывоз и обеспечить приток денег из-за рубежа, с одной стороны, и ограничить ввоз – с другой, дабы российское достояние не уплывало за границу.

Но развивая промышленность, Петр ставил перед собой и другую, не менее важную цель. Дело в том, что непомерные подати, особенно в связи с расходами на войну, зачастую оставляли народ без средств к существованию. Царь понимал, что долго так продолжаться не может, а единственный способ обеспечить стабильный источник налоговых поступлений состоял в существенном увеличении национального дохода. Для достижения этой цели Петр использовал всю свою энергию и власть, стараясь не упустить даже самой малости, которая могла бы способствовать подъему отечественной промышленности. Петр полагал, что ответственность за укрепление национальной экономики несет он, как монарх; однако он также сознавал, что истинными источниками благосостояния являются частная инициатива и предприимчивость. Он поставил своей целью создать класс русских промышленников, которые могли бы поначалу помочь государю и отечеству, а потом и полностью взять на себя работу по созиданию российского богатства. Это была непростая задача. Российские дворяне издревле привыкли с пренебрежением взирать на такие занятия, как производство товара и торговля, и вовсе не были настроены вкладывать свои средства в коммерческие предприятия. Чтобы побудить их к этому, Петр действовал и убеждением, и принуждением. В своих указах он провозглашал, что торг и ремесло столь же почтенная и достойная форма служения отечеству, как служба в армии и на флоте или в чиновничьем аппарате. Правительство в лице Берг-и-Мануфактур-коллегии предоставляло желающим завести свое дело начальный капитал в виде кредитов и субсидий, вводило для поощрения промышленников монополии и налоговые льготы, порой строило за казенный счет фабрики, а потом сдавало их частным лицам или компаниям (иногда не спрашивая желаний будущих

предпринимателей). В 1712 году велено было завести за государственный счет суконные фабрики и отдать их торговым людям, «а буде волею не похотят, хотя и в неволю, а за завод деньги брать погодно, с легкостью, дабы ласково им в том деле промышлять было».

Далеко не все вновь создаваемые предприятия процветали. Меншиков, Шафиров и Петр Толстой завели шелковую мануфактуру, добились немалых льгот, получили огромные ссуды и субсидии, но это начинание закончилось крахом. Меншиков без конца ссорился со своими партнерами и в конце концов был отстранен от дела и заменен адмиралом Апраксиным. Со временем весь начальный капитал был растрочен, и компанию продали купцам всего за 20 000 рублей. Для Меншикова более прибыльной оказалось компания по промыслу моржей и трески на Белом море.

Наиболее продуктивное сотрудничество между государством и частным капиталом сложилось в области горнодобывающей и металлургической промышленности. Когда Петр вззошел на престол, в России было всего около двадцати маленьких железоделательных заводов, расположенных по большей части вокруг Москвы, в Туле и в Олонце, на берегу Онежского озера. Справедливо полагая, что «наше Российское государство перед многими иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами благословенно есть», Петр еще в начале своего царствования уделял внимание разработке природных ресурсов. Среди иноземных мастеров, нанятых на российскую службу Великим посольством, было немало горных инженеров. С началом войны оружейные заводы в Туле, основанные голландцем, отцом небезызвестного Андрея Виниуса, и принадлежавшие частично казне, а частично бывшему простому кузнецу Никите Демидову, были существенно расширены с тем, чтобы полностью обеспечить потребности армии в мушкетах и пушках. Город Тула превратился в огромный арсенал, и все его предместья были заселены всякого рода оружейными мастерами. После Полтавы Петр направил рудознатцев за Урал на поиски новых месторождений. В 1718 году он учредил Берг-и-Мануфактур-коллегию для более успешного отыскания и разработки новых рудных жил. В соответствии с указом, вышедшим в декабре 1719 года, всякому помещику, который скрывает в своих владениях наличие месторождений полезных ископаемых или препятствует их разработке, грозило наказание кнутом. Пологие Уральские горы, особенно близ Перми, оказались на удивление богаты высококачественными рудами: половину веса руды, добытой в тех краях, составляло чистое железо. За помощью в освоении этих богатейших залежей Петр вновь обратился к Никите Демидову. К концу царствования Петра на Урале возник внушительный металлургический комплекс, состоявший из двадцати одного предприятия по выплавке железа и меди. Центром его стал город Екатеринбург, названный в честь жены государя. Девять из числа упомянутых заводов принадлежали казне, а остальные двенадцать четверым частным предприятиям, причем пятью заводами владел Никита Демидов. Продуктивность уральских заводов постоянно росла, и к концу петровского царствования они давали более сорока процентов всего выплавлявшегося в России железа. К концу жизни Петра Россия сравнялась по выплавке чугуна с Англией, а в царствование Екатерины Великой вытеснила Швецию с первого места в Европе по производству железа. Рудники и литейни немало способствовали мощи России (Петр скончался, оставив в ее арсенале 16 000 орудий), а заодно и росту личного состояния Демидова. Когда родился царевич Петр Петрович, невероятно разбогатевший кузнец подарил малышу «на зубок» 100 000 рублей.

Чтобы оживить торговлю, России было необходимо оживить денежное обращение. По возвращении Петра из Великого посольства в России начали чеканить новую монету, однако наличная монета была такой редкостью, что купцам в Петербурге, Москве и Архангельске приходилось добывать ее взаймы под пятнадцать процентов, чтобы дело не замерло вовсе. Одной из причин того, что деньги пропадали из обращения, была, по замечанию одного иностранца, глубоко укоренившаяся привычка россиян любого сословия прятать в укромное место всякую монету, которая только попадала им в руки. «У здешних крестьян, если им случайно приведется собрать маленькую сумму, вошло в обычай зарывать деньги в навозную кучу, где они и лежат безо всякой пользы и для хозяина, и для государства.

Дворяне опасаются выказывать свой достаток, полагая, что богатство может привлечь к ним неблагожелательное внимание двора, а потому обычно запирают деньги в сундуках, оставляя их без употребления, а те, что посмекалистее, посылают их в банки Лондона, Венеции или Амстердама. В результате того, что деньги укрываются и знатью, и простонародьем, они выпадают из обращения и страна не извлекает из них доход». Петр пытался искоренить этот обычай и в начале войны издал указ: «Кто станет деньги в земле хоронить, а кто про то доведет и деньги вынет, доносчику из тех денег треть, а остальное на государя».

Другой причиной нехватки монет был недостаток драгоценных металлов. Многие золотых и серебряных дел мастера, приглашенные в Россию, не нашли себе применения и разъехались по домам, а та монета, что все же чеканилась, была зачастую неполновесной и дефектной по лигатуре. И хотя это беспокоило Петра, он вынужден был закрывать глаза на чеканку порченной монеты, поскольку рудники попросту не давали необходимого количества серебра и золота. В 1714 году в качестве протекционистской меры Петр запретил вывоз серебра за границу. С 1718 года всех русских купцов, выезжающих торговать за рубеж, обыскивали, и найденные у них золотые, серебряные и медные монеты конфисковывались. По малейшему подозрению в утайке монеты таможенники потрошили и переворачивали вверх дном всю поклажу на купеческих санях или возках. В 1723 году последовало ужесточение таможенных правил; теперь за попытку вывоза серебра грозила смертная казнь. Зато ввоз в страну драгоценных металлов всячески поощрялся и не облагался таможенной пошлиной. Русским купцам, продававшим товары иностранцам, не разрешалось принимать в уплату рубли, они должны были требовать полновесные деньги иностранной чеканки.

Но грозные указы Петра то и дело оказывались холостыми залпами по той простой причине, что их смысл и цель для большинства оставались загадкой. Поэтому царь вынужден был лично следить за их исполнением, а то и прибегать к силе – иначе дело не двигалось с места. Русские, люди от природы консервативные, принимали любое нововведение в штыки, недаром Петр говорил своим министрам, что русский народ не заставишь взяться за новое дело, даже очень полезное и нужное, иначе как из-под палки. И он не стеснялся действовать принуждением. В указе 1723 года он объяснял: «Наш народ яко дети не учения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел».

Однако коммерция – механизм весьма деликатный, и грозные указы, как правило, не лучший способ заставить его работать в полную силу. И дело даже не в том. Действуя принуждением, Петр заведомо ставил под удар успех своих начинаний – иногда царь и сам не был до конца уверен в том, что знает, чего он, собственно, хочет. Ну а исполнители его замыслов, тем более не уверенные, что правильно понимают царскую волю, предпочитали вовсе ничего не делать, стоило царю ослабить внимание или отвлечься на что-то еще. Петр пробовал то одно, то другое, издавал указы и отменял их, действуя методом проб и ошибок. Он пытался опытным путем создать работоспособную систему управления хозяйством, не вполне понимая, что для этого требуется и что ему в этом препятствует. Беспрерывные шатания из стороны в сторону, попытки регламентировать каждый шаг без учета тех или иных местных особенностей приводили к тому, что у русских купцов и промышленников опускались руки. Однажды Остерман признался голландскому послу, который был раздражен бесконечными проволочками при рассмотрении торгового соглашения: «Между нами я скажу правду. У нас нет ни одного человека, который хоть что-то понимает в коммерции».

Бывали случаи, когда коммерческие предприятия терпели крах из-за того, что Петр находился в отлучке и не было возможности получить от него четкие указания. Зная крутой нрав государя, люди боялись проявлять инициативу и почитали за благо не делать ничего, дожидаясь конкретных распоряжений. Как-то раз в Новгород завезли большое количество кавалерийских седел и упряжи. Местным властям было известно, что добро пылится в

амбарах без пользы, но поскольку приказа выдать амуницию войскам все не поступало, она так и лежала там, покуда не сгнила, и эту гниль пришлось выгребать лопатами. А в 1717 году из Центральной России по каналам доставили на Ладожское озеро немало дубовых бревен, предназначенных для строительства судов на Балтике. Однако ценная древесина осталась валяться у ладожских берегов, постепенно превращаясь в топляк, потому что Петр, находившийся в то время в Германии и Франции, не оставил четкого приказа.

Связующим звеном между царем, которому при всей его тяге к обновлению часто приходилось заниматься и другими насущными делами, и в массе своей инертным и тяжелым на подъем населением, являлись иностранцы. Ни одна из петровских затей по преобразованию российской экономики не могла бы осуществиться без помощи иноземных специалистов. В период от возвращения Петра из Великого посольства в 1698 году до его смерти в 1725-м они буквально наводнили Россию. Только в Амстердаме и Лондоне царь нанял более тысячи мастеров, а после возвращения домой настоятельно требовал от российских дипломатических агентов при европейских дворах, чтобы те усиленно разыскивали всякого рода умельцев и всеми средствами склоняли их к поступлению на русскую службу.

В промышленности, торговле, сельском хозяйстве – повсюду использовались иностранные специалисты и воплощались в жизнь достижения европейской мысли. Завезенный из Франции виноград был высажен под Астраханью, и вскоре появились местные красные вина, которые голландский путешественник нашел весьма приятными на вкус. Из Силезии прибыли двадцать пастухов – их направили в Казань стричь овец и обучать русских шерстопрядению, с тем чтобы в дальнейшем завести собственные суконные фабрики, а не закупать армейское сукно в Англии. В Пруссии и Силезии Петр присмотрел хороших коней и повелел Сенату завести конные заводы и купить для них племенных жеребцов и кобыл. Он заметил, что на Западе крестьяне косят хлеб косами, а не серпами, и распорядился, чтобы и его подданные заменили серпы на косы. Под Петербургом была построена фабрика, на которой из русского льна ткали полотно не хуже голландского. Старую голландскую пряжу пригласили в Россию, чтобы обучать местных женщин обращению с механическими прялками, которые на Руси в то время были диковиной. Неподалеку находилась бумажная мануфактура, которой руководил мастер-немец. По всей стране иностранцы учили русских строить фабрики и заводы, изготавливать стекло, кирпич, порох и бумагу, выплавлять металлы и добывать соль. Прибывшие в Россию иноземные специалисты пользовались рядом особых привилегий: им бесплатно предоставляли кров и на десять лет освобождали от уплаты налогов. Население, однако, относилось к иностранцам недоверчиво, и потому Петр гарантировал им свое личное покровительство. Он предупреждал, что всякий, кто вздумает вредить иноземным мастерам, будет строго наказан. Даже к тем иноземцам, которые проявляли себя не с лучшей стороны, царь обычно относился снисходительно и отпускал их на родину, снабдив на дорогу деньгами.

Эта политика вовсе не означала слепого пристрастия ко всему иностранному. Цель, которую ставил перед собой Петр, была ясной и прагматичной: использовать технические достижения для преобразования России. Иностранцы приглашались на службу и получали всевозможные льготы при одном условии, которое оговаривалось в каждом контракте: «Учить русских людей безо всякой скрытности и прилежно». Случалось, что иностранные умельцы пытались утаить профессиональные секреты. Так, англичане, приглашенные, чтобы наладить производство табака, уезжая из России, пошли на крайние меры, желая, чтобы их технология осталась для русских тайной. Как ни удивительно, английский посланник Чарлз Уитворт не только одобрил намечавшийся погром оборудования, но и сам принял в нем участие: «Москвитяне главным образом домогаются узнать состав жидкости, в которой табак готовится и окрашивается... Перед отъездом мастеров русские рабочие были отпущены, как бы только на время, а вечером я явился в мастерскую в сопровождении Парсона, моего секретаря, и семерых слуг: мы большую часть ночи провели в разрушении материалов и инструментов, из которых некоторые оказались до того прочными, что нам при

ломке пришлось поднять порядочный шум. Тут стояло одиннадцать заколоченных бочек, до четверти наполненных табачной жидкостью в разных моментах приготовления: ее я приказал вылить. Сломал я большой крутильный станок, около шестидесяти катушек для свертывания, три машины, вполне установленные для крошки табака, с двух других сняли планки и рычаги, несколько больших машин для прессования табака разнесено вдребезги, винты их испорчены, деревянные части поломаны, медная обшивка содрана, около двадцати прекрасных сит изрезано в куски, – короче, ни одна вещь не оставлена в целости... на следующий день слуги возвратились и сожгли все деревянные обломки».

Если бы Петр узнал о том, что бесчинство это учинил английский посланник, тому наверняка бы пришлось незамедлительно покинуть Россию.

Бывали случаи, однако, когда русским удавалось перехитрить скрытных иноземцев. Близ Петербурга Петр основал фабрику, где выпускались ленты и позументы. Один сметливый подмастерье, схватывавший все на лету, научился изготовлять любые позументы, но только тогда, когда материал был заправлен в станок. Иноземный мастер, руководивший фабрикой, всегда проделывал подготовительные операции сам и запрещал русским работникам наблюдать за ним. Петр пообещал награду тому из подмастерьев, кто сумеет разузнать секрет. Сообразительный паренек просверлил в стене маленькую дырочку, затаился и подсмотрел, как мастер налаживает станок. Запомнив, как это делается, подмастерье доложил царю, и тот устроил ему проверку. Станок установили прямо во дворце и велели приступать к работе. Испытание прошло успешно: довольный царь расцеловал юношу, наградил его деньгами и назначил мастером взамен иноземца.

* * *

Воздвигая на берегах Невы новую столицу, Петр задумывал ее не только как бюрократический муравейник или гигантский плац для гвардейских парадов. Прежде всего, он хотел видеть Санкт-Петербург морским портом и торговым центром. Поэтому царь всячески стремился к тому, чтобы товары направлялись в Петербург, минуя другие порты, в первую очередь Архангельск, морской путь к которому был кружным и долгим, зато привычным. Многие купцы, как русские, так и иностранные, не хотели сворачивать со знакомого, налаженного курса, и царя засыпали петициями и жалобами. Однако тот с каждым годом все упорнее настаивал на изменении торговых маршрутов. Наконец в 1722 году он запретил вывоз из России через Архангельск любых товаров, если только они не произведены на берегах Двины. В том же году Санкт-Петербургский порт обогнал Архангельский по грузообороту и стал одним из ведущих портов империи, уступая лишь Риге. К концу правления Петра объем российской внешней торговли превзошел его самые смелые мечты. Морская торговля возросла вчетверо. В 1724 году в порту Петербурга бросили якорь 240 западных купеческих кораблей и еще 303 посетили Ригу, а в 1725 году в балтийских портах России побывало уже 914 иностранных судов.

Но Петру не удалось добиться другой цели – создать собственный торговый флот. Он хотел, чтобы русские товары перевозились на Запад русскими купцами на русских же кораблях, но этому воспротивились морские державы, не желавшие отказываться от старых привилегий. Еще в древнем Новгороде купцы пытались наладить вывоз товаров на своих судах, но против них ополчился весь Ганзейский союз, который добился права закупать товары в Новгороде и далее переправлять их самостоятельно. Позднее один предприимчивый купец из Ярославля сам доставил в Амстердам партию мехов, но голландские торговцы, сговорившись, не купили у него ни одной шкурки, и в результате ему пришлось возвратиться со своим грузом в Архангельск, где у него немедленно и за хорошую цену приобрел все меха тот самый голландец, на чьем корабле потерпевший неудачу купец вернулся в Россию.

Еще в начале своего царствования Петр предпринял попытку изменить сложившееся положение. Апраксину, бывшему в то время воеводой Архангельска, приказано было

построить два небольших корабля, чтобы доставлять на Запад русские товары под российским флагом. Царь понимал, что появление этих судов за границей может вызвать противодействие, и долго раздумывал, куда их направить: англичане и голландцы встанут на дыбы, французы вообще вряд ли всерьез отнесутся к российскому флагу. И все же он распорядился послать корабли во Францию, хотя и отступил от первоначального замысла, – большую часть пути корабли проделали под голландским флагом. Затея не увенчалась успехом, один из кораблей был конфискован французами, и его возвращение стало предметом долгих дипломатических переговоров. Петру так и не удалось добиться своего: англичане и голландцы сохранили фактическую монополию на морские перевозки и торговлю в портах России.

Несмотря на это, Петр не испытывал неприязни к иностранным капитанам и морякам. Напротив, он радовался всякий раз, когда иностранные торговые корабли заходили в российские порты, встречал их радушно, а с капитанами обходился как с товарищами, собратями по мореходному делу. Стоило иностранному судну бросить якорь в Кронштадтской гавани или Петербургском порту, как на борт являлся Петр. Он бродил по палубе, осматривал оснастку судна и живо интересовался всеми новшествами. Голландские капитаны, ежегодно ходившие в Санкт-Петербург, привыкли к монаршим посещениям и, встав на якорь, готовили в каютах ром, вино, сыр и бисквиты, ожидая, что вскоре прибудет царь и начнет подолгу расспрашивать их о дальних морских походах. В знак ответного гостеприимства государь приглашал моряков сойти на берег и посетить его двор, и редко случалось, чтобы после такого визита капитан и вся его команда поднимались на борт своего судна трезвыми. Как отметил один современник, «нетрудно понять, что людям такого образа жизни прием приходился по вкусу, и они с удовольствием брали курс на Санкт-Петербург».

Добрые отношения с иностранными моряками Петр не хотел омрачать ничем. В 1719 году, когда разрабатывались новые таможенные правила для Петербургского порта, царю представили на одобрение первый вариант документа. Один из пунктов, в частности, гласил, что суда, доставившие контрабандный груз или пытавшиеся провезти товар без уплаты соответствующей пошлины, подлежали конфискации. Петр решительно вычеркнул этот пункт, объяснив, что время суровых санкций еще не пришло: меньше всего он хотел сейчас отпугнуть иностранных купцов и капитанов.

Император позволял иностранным морякам говорить с ним по-свойски, что не могло не шокировать его придворных. Однажды, когда голландский капитан заявил, что ему больше по душе Архангельск, чем Санкт-Петербург, а на вопрос почему дерзко ответил, что в Петербурге нет блинов, Петр сказал ему: «Этому можно пособить. Приди завтра со своими земляками, другими корабельщиками, ко мне во дворец, я покажу тебе, что и здесь блины такие, как в Архангельске».

Когда между русскими и иностранными моряками случались ссоры, царь нередко брал иноземцев под защиту. Как-то раз, маневрируя в переполненной Кронштадтской гавани, голландский корабль зацепил бортом русский фрегат и сорвал у него швартовый трап. Хотя голландец и обещал оплатить ущерб, русский капитан пришел в ярость. Он послал на борт голландского судна караул и потребовал десятикратного возмещения. Петр в то время находился в Кронштадте и, прослышав о происшествии, явился осмотреть поврежденный фрегат. Он увидел, что все, кроме трапа, который можно было починить за несколько часов, цело, и велел капитану привести трап в порядок, пообещав, что через три часа вернется и проверит, сделана ли работа. В указанное время царь воротился; трап был восстановлен, оставалось только его покрасить. «Выкраси в красный цвет, – распорядился царь, – и наперед помни, что к иноземцам надлежит относиться с учтивостью и дружелюбием».

* * *

Наглядное представление о характере Петра дает такая деталь: в разгар войны, одновременно с обновлением армии, созданием флота, строительством новой столицы и

экономическими преобразованиями, он взялся за сооружение системы судоходных каналов. Нельзя отрицать, что потребность в них существовала. В России, стране огромных расстояний и отвратительных дорог, купец, перевозивший товары, или просто путешественник сталкивался с невероятными трудностями. Доставка экспортируемой продукции из внутренних районов необъятной страны к морским портам всегда была непростым делом. Теперь же ситуация еще более усложнилась, поскольку новая столица, Санкт-Петербург, требовала постоянного подвоза хлеба и иной провизии. Решение было подсказано самой природой, одарившей Россию множеством полноводных рек, таких как Днепр, Дон, Волга и Северная Двина. Все главные реки, кроме Двины, текли на ют, но тем не менее существовала возможность доставлять грузы и вверх по течению, впрягая в баржи тягловых животных или используя труд бурлаков. Для создания водной транспортной сети оставалось лишь наметить подходящие точки и соединить важнейшие реки между собой.

Петр начал с того, что предпринял поистине титаническую попытку связать Волгу с Доном. Если бы она удалась, из внутренних районов России можно было бы сплавлять грузы к стоявшему в устье Дона Азову и для всей России открывался бы доступ к Черному морю. Более десяти лет тысячи людей работали не покладая рук, прорубая канал и воздвигая каменные шлюзы, но когда пришлось вернуть Азов туркам, строительство было заброшено. Рост Петербурга натолкнул Петра на новую мысль – соединить Волгу с Невой и связать таким образом всю Россию с Балтикой. Он своими ногами исходил глухие места Тверского и Новгородского края, пока не обнаружил небольшой приток Волги – всего в миле от другой реки, которая через целую систему речушек и озер была связана с Ладогой. Ключевым звеном задуманной судоходной сети стал небольшой Вышневолоцкий канал. На строительстве этого канала было занято 20 000 рабочих, на сооружение его потребовалось четыре года. И вот – водный транспортный путь связал Каспийское море с Балтикой и Атлантическим океаном. Нескончаемый поток плоскодонных судов, груженных зерном, лесом и другими товарами, произведенными в центральных и южных областях России или вывезенными с востока, неспешно двинулся через всю страну к городу на Неве.

Неудивительно, что при осуществлении такого рода замыслов царь сталкивался с немалыми трудностями и противодействием. Князь Борис Голицын, которому было поручено надзирать за строительством первого из упомянутых каналов, ворчал: «Коли Господь судил рекам течь одним путем, не есть ли гордыня человеку вздумать повернуть их в иное русло?» Потоку плоскодонок и барж случалось заstopориться: вышневолоцкие каменные шлюзы засорялись и требовалось время для их прочистки. Но не это было главным препятствием: основную угрозу таила в себе Ладога. На величайшем в Европе озере разыгрывались штормы, сравнимые с океанскими, волны легко переворачивали речные суденышки, имевшие к тому же очень малую осадку (иначе они не могли бы пройти по каналу). Когда налетавший с севера ветер настигал лодки в открытом озере, их либо опрокидывало, либо сносило к югу и выбрасывало на берег. Каждый год жертвами штормов становились сотни судов, гибнувших вместе с грузом. Сначала Петр попытался решить эту проблему, распорядившись построить особый озерный флот, состоящий, в отличие от речного, из устойчивых судов с высокими бортами и килем. Однако перегрузка леса или зерна с речных судов на озерные отнимала слишком много времени, и стоимость транспортировки значительно возросла. Тогда царь стал искать способ сплавлять грузы в обход Ладоги, и в 1718 году он принял решение прорыть обводный канал вдоль болотистого южного берега озера – от Волхова к истоку Невы у Шлиссельбурга. Предполагалось, что длина его составит шестьдесят шесть миль.

Первоначально это дело поручили Меншикову, который ничего не смыслил в строительстве, но готов был взяться за что угодно, лишь бы заслужить царскую милость. Его «стараниями» более двух миллионов рублей было истрачено без толку, а около 7000 работников умерло от голода и болезней. Огромная, но совершенно бессмысленная работа была проделана еще до того, как решился вопрос: рыть ли канал по суше или отгородить часть озера земляной насыпью, идущей вдоль берега. Петр был уже близок к тому, чтобы

вовсе махнуть рукой на это предприятие, но тут судьба свела его с немецким инженером Бурхардом Христофором Минихом, имевшим большой опыт строительства плотин и каналов в Северной Германии и Дании. Стоило Миниху взяться за дело, и строительство пошло не в пример живее. В 1720 году Вебер писал: «Я достоверно знаю, что эта работа настолько продвинулась, что к следующему лету должна быть завершена, и тогда торговля между Балтийским и Каспийским морями, между всей Россией и Персией, встанет на прочную основу, с тем только неудобством, что кораблям, отплывающим от Казани, придется затратить на весь путь почти два года». «Достоверные» сведения Вебера оказались ошибочными. При жизни Петра было прорыто около двадцати миль этого грандиозного канала, имевшего семьдесят футов ширины и шестнадцать футов глубины. После смерти Петра власть на некоторое время сосредоточилась в руках Меншикова, который не жаловал Миниха, и потому дело вновь застопорилось. Только в 1732 году, в царствование Анны Ивановны, канал был наконец достроен, и императрица в сопровождении торжествующего Миниха проплыла с флотилией судов по всей длине этого замечательного гидротехнического сооружения.

Система каналов, начало которой было положено Петром, сохраняет значение и в наши дни. Являясь частью гигантской воднотранспортной сети, каналы позволяют крупным судам курсировать во всех направлениях, пересекая Россию от Черного и Каспийского до Белого и Балтийского морей. Если вам случится побывать на набережной Невы в белые ночи и дожидаться, когда разведут мосты, вы увидите, как огромные, словно киты, торговые суда в молчании поднимаются вверх по реке, держа путь куда-то в глубь России.

* * *

За все приходится платить. Беспомощная, разорительная война и титаническое строительство обескровили Россию, выжимая из нее последние соки. Хотя Петр постоянно внушал своим чиновникам, что подати не должны быть непосильными для народа, он в то же время сам постоянно требовал денег и тем сводил на нет свои благие пожелания. Налогами облагались решительно все виды повседневной деятельности, и тем не менее непрерывно увеличивающиеся расходы государства не позволяли свести концы с концами. В 1701 году армия и флот поглотили три четверти финансовых поступлений, в 1710-м – четыре пятых, а в 1724-м, несмотря на то что война уже завершилась, – две трети³⁴. Когда денег не хватало, Петр урезал жалованье всем служащим, не щадя и духовных лиц, и делал исключение только для солдат, матросов и иноземных умельцев. В 1723 году положение с наличностью осложнилось до того, что жалованье чиновникам было выдано мехами. До тех пор пока промышленность и коммерция не развились настолько, чтобы существенно пополнять казну, у государства не оставалось иного выхода, кроме как продолжать выколачивать из обездоленного народа все новые и новые подати. Основным прямым налогом в России была подворная подать, установленная при царе Федоре Алексеевиче на основании переписи 1678 года. Налогом облагались каждая деревня в соответствии с количеством имеющихся в ней дворов и каждый помещик – в соответствии с числом его владений (поэтому в деревнях большие семьи – в сущности, несколько родственных семей – были вынуждены ютиться в тесноте под одной крышей). В 1710 году Петр, полагая, что со времени царя Федора население должно было увеличиться, приказал провести новую перепись. К его удивлению, оказалось, что за тридцать пять лет число дворов сократилось на одну пятую, а то и на четверть. Конечно, нельзя отрицать, что имело место и вполне реальное уменьшение тяглого населения: волею Петра сотни тысяч людей были оторваны от пашни и отправлены в армию, на воронежские верфи, на рытье каналов и строительство Санкт-Петербурга, а многие тысячи укрывались по лесам или бежали за границу. При всем том данные переписи указывали и на то, что правительство оказалось бессильным перед ухищрениями как дворян,

³⁴ Фактически армия, флот и дипломатия забирали более 90 процентов доходов государства. – *Примеч. ред.*

так и крестьян, одинаково стремившихся избежать поборов. Для начала чиновникам, посылаемым для подсчета дворов, предлагались взятки, если же это не срабатывало, крестьянские избы попросту исчезали. Дома в русских селах строились в основном из бруса или бревен, уложенных одно на другое; венцы по углам скреплялись с помощью пазов. Такой дом ничего не стоило за несколько часов разобрать и спрятать в лесу. Чиновники знали об этой уловке, но ничего не могли поделать³⁵.

Побывав во Франции, Петр познакомился с принятой там подушной системой налогообложения и решил ввести ее в России³⁶. По новой системе податной единицей вместо двора становилась «душа». В каждой деревне, селе или крестьянской общине обложению подлежали все лица мужского пола от младенцев до стариков. В ноябре 1718 года вышел указ, повелевавший переписать все тяглое население мужского пола. Дворянство, духовенство и купечество переписи не подлежали – для этих сословий существовали иные повинности. Население всячески противодействовало переписи, но тем не менее к 1724 году она была завершена и выявила в России 5 794 928 душ мужского пола. В 1724 году впервые была собрана подушная подать. С крестьян, в зависимости от того, помещичью или казенную землю они пахали, взималось от 74 копеек до 1 рубля 14 копеек в год. С точки зрения увеличения государственных доходов податная реформа увенчалась полным успехом. В том же году подушные сборы составили половину поступлений в казну. Эта система просуществовала почти до конца XIX столетия и была отменена в 1887 году Александром III.

Введение подушной подати прибавило доходов казне, но одновременно способствовало еще большему закабалению крестьянства и прикреплению его к земле. Было время, когда русские крестьяне имели право свободно переходить от одного землевладельца к другому, и это приводило к тому, что помещикам было трудно, а подчас и невозможно обеспечить свои имения рабочей силой. Ситуация обострилась в середине XVI века, когда в результате завоевания Иваном Грозным Казани и Астрахани для русской колонизации открылись необозримые, не тронутые плугом черноземные степи, прежде населенные кочевниками. Тысячи русских крестьян покидали северные леса, устремляясь на плодородные равнины. Пустели села Центральной России, целые уезды наполовину обезлюдели. Дворяне, оказавшиеся на грани разорения, воззвали к государству, и их услышали, ибо опустевшие селения не давали поступлений в казну. Начиная с 1550 года один за другим издавались царские указы, ограничивавшие право крестьян на свободное передвижение, а затем и вовсе запретившие им покидать земли. Беглых крестьян преследовали, и уложение 1649 года обязывало всякого, укрывшего у себя беглеца, возместить убытки владельцу. В петровское время в крепостных числилось более половины населения. Одни крестьяне трудились на казенных землях, другие на помещичьих, но все были прикреплены к земле до конца своих дней³⁷.

Проведенная Петром подушная перепись еще больше усилила помещичью власть. После того как тяглое население уезда было исчислено, ответственность за сбор податей возлагалась на землевладельцев и местные власти. А чтобы крестьянин не мог укрыться от бдительного ока помещика и, стало быть, от денежных поборов, Петр издал в 1724 году указ, по которому ни один крепостной не мог покинуть имение без письменного разрешения своего господина. Так было положено начало российской внутригосударственной паспортной системе, которая сохраняется и поныне. Со временем помещики обрели над жизнью своих крестьян абсолютную власть: они собирали с них подати, следили за их передвижениями, определяли на ту или иную работу, наказывали за провинности. Таким

³⁵ Точнее, «уловка» заключалась в объединении нескольких дворов в один, с одними воротами – счет дворов велся по количеству въездных ворот. – *Примеч. ред.*

³⁶ Образцом подушной системы стала шведская подушная подать. – *Примеч. ред.*

³⁷ Государственные крестьяне все же имели большую свободу передвижения и занятий, чем крепостные. – *Примеч. ред.*

образом, каждый барин сделался у себя своего рода царьком. Если же помещик не мог своими силами принудить крестьян к повиновению, ему на помощь приходили расквартированные по деревням и селам воинские команды. Со временем контроль за передвижениями крестьян был ужесточен, и для того чтобы покинуть поместье, крепостному приходилось заручаться не только письменным дозволением своего барина, но и местного воинского начальника. Итогом всех этих целенаправленных мер стало массовое порабощение российского крестьянства.

Итак, большинство крестьян прикреплялись к земле, но это была не единственная форма закабаления. Одним из основных препятствий, мешавших купцам и дворянам открывать новые заводы и фабрики, была острая нехватка рабочей силы. Чтобы разрешить эту проблему, Петр издал в январе 1721 года указ, по которому промышленники, даже не дворянского происхождения, получали право прикупать деревни с крепостными, дабы впредь крестьяне числились приписанными к заводу или руднику. В интересах развития промышленности Петр махнул рукой на собственные грозные распоряжения, касавшиеся розыска беглых, и объявил, что бежавшие от своих владельцев и нашедшие работу крестьяне выдаче не подлежат, но должны числиться приписанными к укrywшему их предприятию.

Подводя итоги, можно сказать, что налоговая политика Петра оказалась успешной с точки зрения государства, но на плечи народа она легла тяжким бременем. Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга. Он двадцать один год воевал³⁸, создал флот, воздвиг новую столицу, прорыл каналы и обустроил гавани, и при этом не только не брал никаких субсидий и займов за границей, но и сам помогал деньгами своим союзникам, особенно Августу II Польскому. Все это было оплачено непосильным трудом и несметными жертвами русских людей в период времени, охватывающий жизнь всего одного поколения. Петр не делал ставки на внутренние займы, что частично переложило бы тяжесть реформ на потомков и, в отличие от Герца, министра Карла XII, не выпустил в обращение бумажные деньги, что привело бы к обесцениванию рубля. Нелегкое бремя преобразований он всецело возложил на плечи россиян – своих современников. Его подданные выбивались из сил, противились, негодовали, порой проклинали царя – но всегда повиновались его воле.

³⁸ Без учета Русско-турецкой войны (Азовские походы 1695–1696 гг.) и Персидского похода 1722–1723 гг. – *Примеч. ред.*